

Елена Яворская

Родилась 31 июля 1979 года в Орле. Коренная орловчанка. Окончила филологический факультет Орловского государственного университета. Работала заместителем директора по воспитательной работе МОУ ДОД «Городской военно-исторический клуб», ныне – редактор в Издательском Доме «ОРЛИК». Член Союза литераторов с 2009 года. Прозаик, поэт, публицист, литературовед. Автор сборника рассказов и стихотворений «Это просто», повести в жанре фэнтези «Госпожа», повестей о современности «Жестяной самолетик», «Любкины истории», «Авангардисты» (изданы под общим названием «Жестяной самолетик»), краеведческих книг для детей и подростков «Орловская азбука», «От первого салюта до Великой Победы», «На Посту Памяти», «Из истории орловского театра», а также соавторских поэтических сборников – «Обыкновенная любовь», «Заскоки Пегаса» (совместно с А.Р. Поповой), романа в жанре альтернативной истории «Отыгрыш. На орловском рубеже» (совместно с А.В. Воронковым), исследования «Пушкин: орловские страницы» (совместно с В.В. Шапочкой), ряда публикаций в периодике и рецензий на произведения коллег-литераторов; в 2010 году участвовала в межавторском проекте «Десант попаданцев» («Робинзоны времени») под руководством фантаста А.С. Конторовича.

* * *

Какой-то, видимо, изъян
во мне – и весело, и тошно:
кровь крепостных, и кровь дворян
(той самой шляхты беспортошной),
да память – тот еще настой,
а может, горькая настойка...
«Смирись!..» –
 «Держи карман!..» –
 «Пустой!..» –

Недоля с Лихом спорят бойко.
Красавцы! ветхая пестрядь
и лисы, траченные молью.
Терять? Нам нечего терять,
цепей-то нет, хоть мы крамольны,
Фемида пальчиком грозит.
И у дворян в кандальном стиле
порой банкеты проходили...
А поутру – в Сибирь транзит.
Крестьяне кандалы спустили
в заштатном грязном кабаке
у исторической развилки.
Плод мезальянса – дерзкий, пылкий,
ах, как срывается в пике!
непринужденно и красиво,
надеясь на грядущий взлет.
А на земле ржет мерин сивый:
«Ну кто вам хлебца ниспошлет?»

* * *

Кто-то скажет: место ей в шестой палате,
кто-то хмыкнет, кто-то ахнет восхищенно.
Баба Катя на электросамокате
едет в город, едет в город из района.
По утоптанной грунтовке резвой серной
мчится Катя, как девчонка по аллее.
Прикупить конфет, и чаю, и консервов
собралась бабуля нынче – к юбилею,
на товар налюбоваться на заморский,
не жалея ни восторгов, ни глазенок,
в парке слопать шаурму под кислый морсик,
нагадать цыганке наглой дом казенный,
покуражиться на местном фестивале,
кулачишком погрозить зеркальным башням.
Времена, мол, наши, нет, не миновали,
мы не скисли, не застряли во вчерашнем,
хоть у нас, по меркам вашим, волчий угол,
даже вроде бы и вскормлены волками,
но зато предпочитаем рэпу фугу,
а бульварным газетенкам – Мураками.
Может, счастье наше в том, что нет бульвара
и особенных удобств для жизни тела,
но зато и не получите навара
с наших скромных, будто истина, хотелок.
Не пробьешься к нам порой на вездеходе,
не проложишь на болоте верной гати.
Но зато у нас полным-полно угодий –
не объехать и за век на самокате.

Разговор с Катенькой

(Две правды)

День разгорался, но как-то пугливо и слабо,
без вдохновения, будто скандал между делом.
«Я не психолог, конечно, но бабы есть бабы,
им без детишек никак, ну, без мужа хотя бы...
Если б иначе – я, может быть, в девках сидела». –
«Ну а чего ж?...» – «А представь-ка – все замуж сходили,
Олька – ну, ты ее знаешь, – по третьему разу.
Я-то чем хуже? Я тоже хочу тили-тили,
свадебный торт, фотозону и платьишко в стразах». –
«Что же, все ради кортежа, нарядной родни и десерта,
и чтобы фотки «ВКонтакте», две сотни, такие, что ух ты?
Только стесняюсь подумать: а где же тут сердце?
Может, и слушать не стоит, что нам говорят субпродукты?» –
«Ну тебя, дуру! Ты все понимаешь не хуже
прочих, но силишься, силишься выдать сатиру.
Знаешь, оно какво – поглядеть на замужних подружек,
вечно куда-то бегущих. А после в пустую квартиру
шаркать, включать поскорей и компьютер, и телек,
чтобы хоть кто-то бубнил и хоть что-то пиликало в чате...
Вот она, суть наших глупых девчачьих хотелок!

Ну а такие, как ты, все вопят – мол, душой не мельчайте,
дескать, мечтайте, творите, глядите вперед, развивайтесь,
дескать, во всем доходите до сути до самой... до точки, до края?
Старая дева – соседка – кропает стишки, занимается вальсом,
вроде успешно, да только прикинь, как над ней угорают!
Скажешь, я глупая самка, программа – не мама,
памперсы, завтраки, стирка – скачу, как сорока,
поистрепала себя, постарела до срока,
но не жалею ни грамма, ты слышишь, ни грамма.
Как ни крути и не скалься – я не одинока!»
Взгляд – что снаряд. Ну а пальцы проворно сновали,
шили пижаму кому-то, а может быть, робу.
Вроде бы век двадцать первый, и вроде живем не в подвале,
но на свободу, на солнце – не пробуй, не пробуй!
Солнца рукой не достать? Ну а солнышки близко –
ярко пестреют на старом домашнем халате.
«Катенька, солнышко, я, упаси меня Господи, не феминистка.
Но как же хочется взвять: ну пожалуйста, хватит!»

Нерпы

На память о детских проделках останутся шрамы.
На память о первой любви – дневничок и две плюшевых нерпы.
Все это – фрагменты обычной житейской программы,
ну, как ипотека, застолье на днюху, убитые нервы.

Да, было бы все, как разметили на трафарете:
режим экономии чувств и финансов, на ужин консервы.
Пылились бы на антресолях два глупых медведя –
да вот возлежат на диване две плюшевых нерпы.

Немного поблекли – наверное, редко стираю.
Но помнится: белая – Глаша, а что потемней – Серафима.
Программа сбоит. Может, юность приходит – вторая.
И что же из этого следует?
Все поправимо.

Июль

Два сарафана и хот-дог в бауле
и в десяти карманах по конфете.
Поспешно уезжаю от Июля,
уж больно жарок он, уж больно светел.
Разбудит в пять мелодией попсовой,
подслушанной у птичьего джаз-банда.
Ну как не озвереть нормальным совам?
Я обескрылев, стала грустной пандой.
Прошу на завтрак только газировки.
В обед, за неимением бамбука,
с тоской грызу безвкусные морковки,
наверно, скоро стану легче пуха,
но не взлечу – Июль придавит зноем
к сухой траве – нескошенному сену.
Он любит все рутинное, земное,

а я почти готова лезть на стену
от выходок унылого тирана –
он, видно, возомнил себя колоссом.
Вчера мне протокольно и пространно
пообещал ко дню рожденья грозы.
Он, дескать, не забыл – я грозовая,
хоть для него такие встряски – слишком...
Пофыркивая, следую в трамвае
Куда-нибудь поближе к белым мишкам.
«Эй, не смей!» – стучит в окошко ветер.
В карманах тихо плавятся конфеты.
Без лакомства не сунусь я к медведям,
В трамвае далеко я не уеду.
А рядышком дюймовочка-бабуля
вовсю подзаряжается лучами.
В смартфоне – sms-ка от Июля:
«Шашлык пожарил. Жду тебя. Скучаю».